

Анархизм как радикальный либерализм

Натан Гудман

16 июня 2017 г.

Классический либерализм возник как радикальная идеология, бросившая вызов статус-кво монархии, меркантилизму, религиозной тирании и античному режиму. Либералы продвигали два идеала: рынки и демократию как альтернативу старым деспотиям.

Тем не менее, рынки и демократия, казалось, были в противоречии, в результате чего либералы выступали за золотую середину между ними. Леволибералы выступали за более широкую роль демократии и более узкую роль для рынков, в то время как праволибералы (чаще называемые консерваторами или либертарианцами) выступали за более широкую роль для рынков и более узкую роль для демократии. По всему спектру они согласились с тем, что демократия и рынки расходятся, по крайней мере, до некоторой степени.

Что и оставило возможность радикалам предложить радикализировать приверженность одному либеральному идеалу, отменив другой. Наиболее широко социалисты предлагали ликвидировать рынок и заменить его радикальным демократическим контролем над экономикой. Анархисты также присоединились. Многие анархо-коммунисты присоединились к призыву принять радикальную демократию, отбросив рынки. С другой стороны, многие анархо-капиталисты предлагали радикализировать нашу приверженность рынкам путём ликвидации демократии.

Скажи мне, как выглядит демократия

Экономист Дон Лавуа в своем эссе «Демократия, рынки и правовой порядок»¹ предлагает другой способ определения демократии и рынков, чтобы они дополняли, а не противоречали друг другу.

Напряжённость между демократией и рынками возникает из-за того, что демократия воспринимается как голосование за то, как будет действовать правительство по принуждению толпы (например, распределение ресурсов). Когда действия осуществляются через рынок, они в некоторой степени защищены от вмешательства демократических государств, и их результаты не определяются непосредственно через голосование всех членов сообщества. Лавуа предлагает альтернативное определение, в котором демократия характеризуется открытостью. Более того, Лавуа

¹ Lavoie, Don. "Democracy, Markets, and the Legal Order: Notes on the Nature of Politics in a Radically Liberal Society." *Social Philosophy and Policy* 10, no. 2 (July 1993): 103–20. doi:10.1017/S0265052500004167.

предлагает подход, который не рассматривает демократию как централизованный процесс. «Наша политика должна выйти за рамки модели проявления некой единой сознательной демократической воли и понять демократические процессы, распределённые по всей политической культуре», — объясняет он.

Лавуа утверждает, что это определение более точно описывает знаменитые черты гласности, либерализовавшие Советский союз к концу его правления. В этом контексте продемократические активисты боролись не за участие в выборах, а за открытость. Лавуа пишет:

«То, что мы должны понимать под демократией, — это особая разновидность открытости в обществе, которую советская система разрушила и которая начала восстанавливаться под знаменем гласности. Гласность — обнародование вещей. Русское слово лучше переводится как «открытость», чем «демократия». Некоторые западные защитники демократических правительств жаловались на общий перевод «демократии» на том основании, что открытость — это не то же самое, что проведение периодических выборов, так что движение гласности вообще не следует называть демократическим движением. Напротив, я подозреваю, что движение лучше отражает основную сущность демократии, чем наши западные демократические институты».

В лучших традициях Ф. Хайека и супругов Остром, Лавуа утверждает, что «подобно рынку демократическая политика демонстрирует своего рода распределённый интеллект, не представляемый какой-либо одной организацией, которая может претендовать на то, чтобы действовать от имени всего общества». Отличительные черты демократии не воплощены в «сознательной воле представительной организации, которая была узаконена обществом», а вместо этого характеризуются «дискурсивным процессом распределённой воли самой общественности».

В рамках Лавуа демократия — это не то, что выражается через государственной монополией на применение силы или через выборы, чтобы решить, что будет делать такое государство. Вместо этого демократия происходит через открытый дискурс, дебаты, оспаривание и взаимодействие между людьми. Если позаимствовать концепцию у супругов Остром, демократия, правильно понимаемая, является полицентричной, а не моноцентрической. Вопрос полицентрического правопорядка мы уже рассматривали в прошлой статье. Кратко — это частное право, основанное на спонтанном общественном порядке свободных рынков, где конкурирующие стороны, чаще контрактные юрисдикции (КЮ), заинтересованы в его исполнении.

На маршах протеста левые активисты часто скандируют: «Скажите, как выглядит демократия!», на что их товарищи отвечают: «Вот так выглядит демократия!». В каком-то смысле они правы. Протесты отражают людей с различными взглядами, высказывающими своё мнение под открытым небом. Они отражают общество, в котором оспаривание возможно в какой-либо степени. И это говорит о том, что даже формально демократические государства посылают полицейских, чтобы избивать, и иным образом жёстко подавлять протестующих и журналистов, которые освещают их.

Если демократия характеризуется открытостью, то урна для голосования не является воплощением демократии (стоит так же учитывать временное предпочтение: одно дело проголосовать ОДНАЖДЫ и иметь одни интересы в конкретный момент времени, но они не будут в дальнейшем удовлетворять участников голосования). Вме-

сто этого демократия определяется теми, кто, снизу вверх, способствует становлению открытого общества. Например, люди, которые снимают полицию и разоблачают свои преступления. Журналисты, которые исследуют влиятельных людей, обсуждают идеи и поддерживают свободную прессу, воплощают демократию в реальность. Скажите, как выглядит демократия? Похоже, что разоблачители, такие как Эдвард Сноуден, рабочие группы Анонимуса и WikiLeaks, Челси Мэннинг, Джон Кириаку и Даниэль Элсберг обнаруживают ранее засекреченные преступления государства.

Политическая культура и анархизм

Лавуа применил своё понимание демократии как открытости, чтобы пролить новый свет на работу таких анархо-капиталистических теоретиков, как Мюррей Ротбард, Дэвид Фридман и Брюс Бенсон. Хотя эти мыслители правы, отмечая, что рынки и другие негосударственные институты могут предоставлять закон, вопрос о том, какой закон будет предоставлен, зависит от политической культуры.

Вопросы политической культуры слишком часто игнорировались нашими коллегами-радикалами либертарианцами. Как пишет Лавуа:

«Либералы не могут решить вопрос о том, может ли правовая система быть обеспечена свободным рынком, потому что проблема зависит от того, что происходит в политической культуре, в продолжающихся дискурсах о взаимных правах и обязанностях, которые индивидуалистический либерализм, как в ограниченном правительстве, так и в анархистской версии, совершенно игнорируют. Радикальные либералы настолько стремились создать универсальную систему прав личности, что не смогли учесть культурные условия, в которых социализированные люди требовали бы того или иного вида юридических услуг.

Сказать, что «рынок порешает», чего не предполагают радикальные либералы, избавляет всего лишь либерализм от необходимости иметь дело со всем царством политики. И строгое ограничение или даже отмена правительства не обязательно устраняет необходимость демократических процессов в неправительственных институтах».

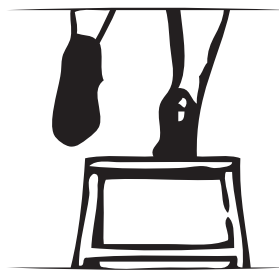
Лавуа делает здесь отличное замечание, подчеркивая необходимость того, что Чарльз У. Джонсон назвал «толстым либертарианством»². Как отмечает Джонсон, тонкое ядро либертарианства говорит нам кое-что важное: а именно, что агрессия в корне неверна, и эта сила оправдана только в защите людей или имущества. Но существуют связанные «толстые» обязательства, которые важны для воплощения принципа ненападения в реальном мире. Работа Лавуа показывает нам, что некоторые из этих серьёзных обязательств, вероятно, связаны с открытостью и политической культурой.

Я защищаю анархизм, который влечет за собой отмену государства. Но это ещё не всё. Вместо этого мой анархизм — это радикальный либерализм: и приверженность либерализму рынка, и приверженность демократии. Рынки позволяют людям свободно общаться, создавать стимулы, которые связывают наши личные интересы с интересами других и координируют социальное сотрудничество между разными людьми с разными взглядами. Демократия или общество, характеризующееся откры-

² Johnson, Charles. "Libertarianism Through Thick and Thin." Foundation for Economic Education, July 1, 2008. <https://fee.org/articles/libertarianism-through-thick-and-thin/>.

тостью, даёт людям возможность обсуждать, делиться своими знаниями, убеждать друг друга и учиться друг у друга. Как показывает нам Лавуа, демократия и рынки не должны противоречить друг другу. Вместо этого они могут представлять две стороны одной медали, два механизма, позволяющих обществу участвовать в децентрализованных процессах экспериментов и исправления ошибок. Анархизм — это радикализация демократии не в смысле прямой демократии, федеративных рабочих кооперативов или коммунизма, а в смысле открытого общества, освобождённого от оков государства.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Натан Гудман
Анархизм как радикальный либерализм
16 июня 2017 г.

c4ss.org
Полезная ссылка: c4ss.org

ru.anarchistlibraries.net